

ХРУПКАЯ ЖЕНЩИНА С ЖЕЛЕЗНЫМ ХАРАКТЕРОМ

**МИРНУЮ ЮНОСТЬ УРОЖЕНКИ РОСТОВА-НА-ДОНУ
ТАМАРЫ КОЧУГАНОВОЙ НАВСЕГДА ПЕРЕЧЕРКНУЛИ
ТРИ ДОЛГИХ ГОДА, ПРОВЕДЕННЫЕ В КОНЦЛАГЕРЕ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Стойко перенеся все тяготы заключения, девушка не утратила веру в себя, дождалась освобождения (что удалось только каждому десятому) и стала одним из лучших геологов Кузбасса. Через всю жизнь она пронесла только седые виски как свидетельство нечеловеческих условий.

Великая Отечественная война разделила жизнь миниатюрной Тамары, только окончившей восьмой класс, на «до» и «после». Она вспоминает, как немцы под натиском советских войск в битве за Ростов-на-Дону будто озверели. Собирали жителей деревень и проводили прямо в полевых условиях «сортировку»: кто здоровее, постарше — на работы, кто немощен или мал — для медицинских опытов или на расстрел. Попавших в первую группу, то есть физически крепких, везли в холодных товарных вагонах в Германию. Пассажиры попадали на работы к бауэрам (так называли немецких фермеров) или в концлагерь. Не удалось укрыться от очередной облавы Тамаре Кочугановой с сестрой Лидой, их определили в один концлагерь, стоявший на границе Голландии и Бельгии. Люди, попадавшие за колючую проволоку, в ту же минуту теряли имя: на полосатой робе вместо него был нашит лагерный номер. У Тамары был №1444.

— Долго еще при виде этой цифры меня бросало в дрожь. Роба была на нас и летом, и зимой, а ведь в тех местах ужасный климат, все время туманы, морозящие дожди или мокрый снег. В бараках были огромные щели, от этого многие простужались и, не получая врачебной помощи, умирали. Вместо привычной обуви в лагере мы ходили в выдолбленных из дерева колодках. Они назывались шуги. Шуги сильно набивали косточку, да и пальцы ног практически всегда были разбиты в кровь. Много лет, уже научившись заново жить нормальной жизнью, я не могла носить туфли.

Рабочий день узников длился тринадцать часов. В пять утра подъем. На завтрак в столовой выдавали сто граммов хлеба, чуть приправленного маргарином, и мисочку зрзац-кофе. Такой напиток немцы варили из зерна и давали его узникам, чтобы избе-

жать эпидемий, которых панически боялись. Кружек не было, если и пили из одинаковых мисок. В трапезе ключевое значение имела... скорость. Людям нужно было мигом выпить эрзац-кофе, проглотить хлеб и успеть добежать до фабрики, не опоздав ни на минуту — в соблюдении режимных моментов лучше всего проявлялась немецкая пунктуальность.

— Мы не ели, а хватали всё, — вспоминает Тамара Акимовна, — и почти всегда не шли, а бежали, тахряя этими колодками по булыжнику под постоянным надзором полицеев с собаками. Мы с сестрой еще очень долго не могли привыкнуть есть нормально, пока мама не расплакалась за столом. Всплеснула руками: «Да что же вы так едите! Да кто ж у вас отнимет!» А ведь мы даже не замечали...

В обеденный перерыв узники трусой возвращались в столовую. Хлеб уже не давали, ограничиваясь похлебкой из брюквы. В нее добавляли немного моркови или лука и приправляли мучной подливкой. И только иногда узнику попадались одна или две картошки. Это считалось большой удачей. И снова выматывающая работа, до 7 вечера. На ткацкой фабрике российские пленные изготавливали детали для самолетов.

— Тогда самолеты небольшие были, нас заставляли штамповать крылья. Мастера показали, и изволь научиться быстренько. Конечно, вмиг научишься, когда по затылку дают каждый раз. Я однажды держала это крыло и заснула. И оно упало и загремело. Я настолько испугалась, думала, что меня сурово накажут, но спасло то, что станок был далеко от конторы. Цех от нее отделяла огромная стеклянная стена, так что немцы видели все, что происходило. А однажды я позволила себе величайшую для узника дерзость — подралась с немкой. Не выдержала, нервы сдали. Я работала за электрическим сверлом, а у этой немки кто-то взял масло смазать станки, она посчитала, что это я. И без предупреждения влепила пощечину. Я так разозлилась, схватила ее и стала с ней драться, она-то здоровее была, сразу меня завалила, выдрала клочок волос, но я ее не отпу-

скала. Нас разнял пожилой мастер. Я думала, что он донесет в контору, что я такое сделала, но он, видимо, пожалел... Он и этой немке пригрозил, чтобы та молчала. Девчонки говорили в бараке: «Что ты наделала, стерпела бы, теперь же тебя заберут». Вот я три дня ждала. Но не забрали, значит, он не доложил.

Как признается Тамара Акимовна, больше всего в неволе она боялась не клопов, которыми были облеплены прогнившие стены барака, не болезней (после освобождения врачи констатировали, что она на ногах перенесла туберкулез) и не тяжелой работы. Ее страшила мысль забыть буквы.

— Однажды мне удалось за кусочек хлеба выменять карандаш и тетрадку. Я начала вести дневник, куда записывала все, что с нами происходило. Его приходилось прятать, если бы его нашли, автора могли расстрелять. Во время очередной проверки сестра решила не рисковать и сожгла дневник, когда дежурила по бараку.

Освободили пленных союзные войска только в апреле 1945-го. В то время концлагерь охранялся мальчишками лет 16, все постарше, видимо, были на фронте. Им было дано задание расстрелять пленных, когда начнется освобождение. Но, к счастью, вспоминает Тамара Акимовна, повезло:

— Уже и пулеметы были на нас наставлены... А как только начали бомбить, они сразу разбежались, еще раньше нас. Я думала, что союзники должны видеть, что мы в робах бежим, но они так много стреляли... Много наших погибло. Помню, один парнишка лежит, и рядом нога. И просит: «Постойте, помогите!» Ну а куда бы я его с собой потащила? Сама ведь не знала, куда бегу, не знала, что дальше будет.

До освобождения, по статистике, дожил только каждый десятый военнопленный. Но даже в таких нечеловеческих условиях люди не теряли человеческое лицо.

— Запомнился мне один наш солдат, который после ранения попал в лагерь. Сразу скажу — мужчинам в лагере приходилось намного сложнее, чем женщинам и детям.

**ТАМАРА АКИМОВНА
ЗАНИМАЛАСЬ
РАЗВЕДКОЙ УГОЛЬНЫХ
МЕСТОРОЖДЕНИЙ.
НАУЧНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
НЕ ВЕЛА, И ТАК
ЗАБОТ ХВАТАЛО.
ЕЕ, ХРУПКУЮ ДЕВУШКУ,
ЗА ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
И ПОРЯДОЧНОСТЬ
ВЫДВИНУЛИ
В НАЧАЛЬНИКИ,
ПРИХОДИЛОСЬ
КОМАНДОВАТЬ
ДЕСЯТКАМИ МУЖЧИН**

Они и работали на более тяжелом и вредном производстве, наказывали их чаще и сильнее. Так вот, работал с нами на фабрике Юра. Мы называли его «дядя Юра», на что он очень обижался, говорил: мне, мол, 22 года, какой же я дядя! А выглядел так плохо... намного старше своих лет. К нему, бывало, подойдешь с деталью в цехе, спросить, как правильно делать. Там все наши русские сидят, матерятся. А он им: «Братцы, что же вы делаете, к нам же девочки наши пришли, а вы выражаетесь». И всегда подскажет,

ЛИЧНОСТЬ

ДАЖЕ ПОСЛЕ ВЫХОДА НА ПЕНСИЮ ТАМАРУ АКИМОВНУ НЕ ХОТЕЛИ ОТПУСКАТЬ КОЛЛЕГИ, ПОСИДЕТЬ ДОМА С ВНУКОМ ПОЛУЧИЛОСЬ БУКВАЛЬНО НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ: В ГЕОЛОГИЧЕСКОМ УПРАВЛЕНИИ ФОРМИРОВАЛИ АРХИВ ДЛЯ СТРАН СЭВ, ИСКАЛИ УГОЛЬЩИКА СО СТАЖЕМ. ТАК И ПРОРАБОТАЛА ТАМ ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ

поможет. А бывало, посмотрит на мои руки и говорит: «У тебя такие маленькие руки, ты точно на заводе работать не будешь, закончишь школу, поступишь в институт и будешь работать начальником». Как в воду глядел.

После возвращения на родину жизнь сестер Кочугановых наладилась не сразу. Узников концлагерей считали врагами народа, приходилось неоднократно приходиться на допросы, отмечаться, брать временные справки, ожидая их получения в длиннющих очередях. Закончить школу удалось не сразу, да и, как ни странно, бывшим узникам было позволено учиться не в каждом институте. Так волею случая Тамара поступила на геологический факультет Ростовского университета имени Молотова. Студенческие годы она вспоминает как самые лучшие в жизни: «жила взахлеб, словно наверху пущенное». В 1951 году после получения диплома круглая отличница получила направление в Сталинск. Свою трудовую биографию Тамара Кочуганова начинала в Кемеровском геологическом управлении. Ее первое место работы находилось в 70 километрах от города, добраться

туда можно было только в сухую погоду. Бараки рубили сами, сами мастерили и мебель, ходили исключительно в резиновых сапогах — по-другому в тайге не получалось:

— Перед отъездом папа отдал мне свои сапоги, родители знали, что мне придется жить в лесу. Так вот, я набивала эти сапоги соломой и со своим 34-м размером ходила в них, рассчитанных на сороковой.

В геологической партии Тамара встретила и своего мужа Александра Ивановича. Здесь же родила детей:

— Когда рожала дочку, не успела уехать в больницу, пришлось соседям принимать ребенка в домашних условиях. Мне так неудобно было, думала, не дай Бог, мои подчиненные услышат. Так ни разу и не вскрикнула.

Тамара Акимовна занималась разведкой угольных месторождений. Научную деятельность не вела, говорит, что и так забот хватало. Ее, хрупкую невысокую девушку, за ответственность и порядочность, быстро выдвинули в начальники, приходилось командовать десятками мужчин. На материалах Тамары Акимовны и ее коллег до сих пор строят шахты и разрезы. Она участвовала в разработке крупнейших шахт региона:

«Ерунаковская-VIII», имени Орджоникидзе, Димитрова. Но безоговорочно главный объект — «Распадская». За нее Тамара Акимовна получила в 1977 году бронзовую медаль ВДНХ.

— Я была главным автором отчетов по всем участкам. Нас отправляли в Москву, на защиту, говоря современным языком, проекта и получение лицензии. «Распадскую» мы защищали вчетвером и везли все документы лично, а это было несколько мешков! Так мы специально просили, чтобы нас больше человек проводило и встретило.

Даже после выхода на пенсию Тамару Акимовну не хотели отпускать коллеги, посидеть дома с внуком получилось буквально несколько месяцев: в геологическом управлении формировали архив для стран СЭВ, искали угольщика со стажем. Так и проработала там еще несколько лет.

Оптимизму и силе воли Тамары Кочугановой можно только позавидовать. Три года в концлагере, годы работы в полевых условиях, а какая это мягкая и улыбкающая женщина! А что за этим скрывается — знает только она.

Вера ФАТЕЕВА